

{phocagallery view=category|categoryid=6|imageid=243|float=left}Имя преподобного Серафима Саровского после канонизации стали носить мальчики, называемые при святом Крещении в его честь. Но и не только мальчики. Женским это имя стало для монахинь, принимающим постриг с посвящением батюшке св. Серафиму Саровскому. Об одной из них мне хотелось бы рассказать, сообщить о нашем празднике.

17 февраля торжественно отмечалась память главной хозяйки Бирюлевского храма, я называю ее *нашей игуменией* - блаженной схимонахини Серафимы.

Хотя и вчера - в который уже раз! - мы воочию предстояли живым свидетелям ее подвигов, сведений о матушке удалось собрать немного. Вы можете ознакомиться с ее [жизнеописанием, составленным на основе документов и свидетельств](#) - но я хочу предложить "авторизированный" рассказ - как видится ее житие одним из ее трудников...

Происхождения она была высокого, и жених ей нашелся высокородный, и богатое и безпечное, во всем изобильное преуспеяние, казалось, было уж суждено. Но богатству жизни она предпочла юродство во Христе. Почему мы называем ее *блаженной*? Ведь она была монахиней, схимницей, и, наверное, преподобной будут величать ее.

Вот уж должна была быть помолвка, но она просит у родителей – «еще одну ночь». И в ночь эту пишет две бумажки, со страхом Божиим вручает их иконе Пречистой (что это был за образ? «Скоропослушница»?) До утра – горячие молитвы – с верою в то, что Матушка Царица Небесная откроет девице волю Божию. И вот она уже несет своим дорогим папеньке и маменьке эту волю – жестокою для них.

Но что поделать? Так уж суждено. Удивительную покорность Создателю проявили Илия и Мария Ушаковы. За 200 верст (из Кашина Тверского в Первопрестольную) повезли они свое сокровище. Кому поручить ее? Монашки все такие строгие...

«Барыня, слышь? – Новый монастырь недавно открылся, княжна-то открывала!»

Приехали, а игумения новая, опытная монахиня (княжна Вера Борисовна Святополк-Четвертинская приказала молиться о своей душе «за упокой»).

– «Белоручку привезли? Не возьму!»

Но Софья Ильинична не отступает, как ни отговаривали ее.

- «Матушка, благословите, на все согласна!»
- «Согласна? Воду коромыслом носить!!!»
- «Благословите»

И вот пять лет так и носила – из низинки в гору. Как смогла столь смириться? Ведь и крестьянке были бы тяжки такие труды – по два ведра – на всех сестер, не то, что на свою семью...

А монастырь, действительно знатный. Но уж не своим дворянством, а самой историей: Филимоновский Княже-Владимирский монастырь, что на юго-запад от Москвы (кстати, от нашего Бирюлево недалеко) – был основан в честь чудесного избавления от гибели императора Александра III и его семьи с Наследником Цесаревичем Николаем Александровичем в крушении поезда 17 октября 1888 года на станции Борки...

Так с самого начала своего подвижнического пути матушка стала связана с Царем-мучеником. А через полвека потрудились для чудесной новостройки Его храма. Но об этом по порядку.

Во многих трудах и различных послушаниях пришлось и заболеть. Повезли в больницу – зимой, в санях, да и... **потеряли**. Что она думала, лежа в сугробе (наверное, пришла в себя, а клали-то в сани в безпамятстве) и не имея сил выкарабкаться? Какое сокровище духовное было приобретено ценою этого искушения?

В телесном же плане – слегла матушка. А в духовном: схима и имя Серафима – несомненно (в те годы после канонизации) – пламенного молитвенника о чистых девицах.

Потом при разгоне монастыря в 1928 году – ходячие разбежались, а нашу матушку – как лежала на койке под легким одеяльцем, так и выбросили вместе с койкой на мороз – пулю пожалели...

Но Господь неисповедимыми путями снова даровал свой невесте жизнь, еще должна

была она Ему послужить. И не только неподвижность в постели, но еще и язвы незаживающие. И никто не слышал от нее ни жалобы, ни стона...

И – схимница – она благословляет на брак ухаживающую за нею и спасшую ей жизнь девицу... Живет в ее семье, как бабушка. Всегда с нею, в какой бы келии не доводилось ей спасаться – запрестольный крест из ее монастыря (он и сейчас венчает ее могилу) и – ... куклы, детские куклы, которые матушка так любила... Кто может сосчитать: скольких проходящих утешила она?

Как же не «разобраться», не покончить с очагом *поповщины*??? Вот раз собрали уже и понятых, пошли арестовывать. Только смотрят: закрыт домишко, замок снаружи – навесной, дорожки снегом запорошило. И стучали, и в окошки заглядывали – словно вымерло все...

Отвел Господь! А ведь была изба в тот час полнешенька, дверь, естественно не заперта, да и пели в голос, молились, не помышляя о беде.

Вот и такой случай: мужа одной из постоянных посетительниц арестовали в числе большой группы людей и завтра суд. А сон пришел такой: будто матушка (лежачая!) сидит за столом, покрытым сукном, и перекладывает толстые папки. (А дело-то и правда – многотомное). И на суде отпустили лишь двоих – иных же осудили с большими сроками...

Будущая матушка нашего дорогого старца о.Алексия (Байкова) долго с мамой искала домик, где принимали схимонахиню Серафиму. Пришли не ко времени, хозяйка гонит:
– Поздно, поздно, матушка уж никого не принимает.
– Пусти, пусти, Танюшку-то!!!

Татьяной маму звали, а ведь никогда ее Серафимушка не видывала, не слыхивала. И ответила на вопросы заветные о судьбе дочерей.

Но вот наступило время отшествия ее ко Господу. Скончалась она неподалеку от

Бирюлево – только за нынешнюю кольцевую перейти - всего-то километров пять. Московские хотели к себе ее забрать, да наши не отдали. Народ, встретив сани с покойницей, понес всю дорогу на руках...

Храм полон – и простые миряне, и монашествующие, и духовенство. Монашеским же чином и отпели. Когда совершала она последний круг вокруг храма – за счастье почитали коснуться гроба или несущих ее...

И вот прошло шесть лет. Уже начал свое служение в храме святителя Николая отец Алексей Байков. И вдруг беда: храм сгорает, да так, что лишь икона самого Чудотворца – в пекле справа от алтаря остается цела. А год-то: 1956-й. Уже собирается лихой царек храмы рушить, уже разворачивается...

Сгорел: как порадовались враги Христовы, осталось лишь в протоколе *зафиксировать ликвидацию бывшей церковной общины*

. Пришли – а община (воистину

община

!) стропила возводит над бывшей сторожкой. Кто же дал такое дерзновение? Как же не побоялся настоятель столь смелого шага, от которого веяло слишком уж

отдаленными

ветрами???

Мнится мне, что уж никак бы не дерзнул он – своим рассуждением, как не дерзнули в подобных ситуациях иные... Но ведь отец Василий († 1989, *в то время - настоятель храма*) помнил, и свидетельствовал вот о каком чуде: еще при жизни матушки, навещая ее, вдруг услышал потрясшие его твердые слова: «Будешь строить новый храм». Кто строит храмы в СССР? Теперь мы уж знаем, что в те послесталинские десятилетия по всей Советии лишь 100 молитвенных домов (храмов среди них очень мало) удалось открыть. А тут – Москва рядом!!!

Матушка – через молившихся за упокой ее души и призывающих ее молитвы – сама построила. Возвела уже третий храм для нашей церковной общины, долги же по строительству первого храмового здания оплатил Сам Царь-мученик Николай, с Которым, как выше сказано, она с начала своего монашества связана была.

Не оставили Государь и невеста Христова своих верных просителей, и по сей день не забывают нас грешных, как и мы – по немощи не забываем их. Сколько исцелений

совершается по молитвам на ее могиле, травкою, камушком, а теперь и снежком лечит матушка.

Пришел в храм новый батюшка. Выпал снежок и в уголке, за оградой (никто не увидит!) взыграла вдруг удаль молодецкая (стыдно признаваться, не по сану, не по возрасту). Размахнулся – запустить снежком в сугроб – и вдруг резкая боль пронзила плечо. Дальше – хуже, день ото дня. Вот уж и чашу стало трудно подымать... А служить-то хочется! Стал просить матушку. Раз, другой, вроде и не помогает – тогда молитва становится все усерднее, на грани отчаяния... И вдруг – собственно не вдруг, а и не заметил, как прошло. Дела-то Божии потихонечку делаются, не ищет себе славы матушка блаженная. И подобные исцеления – то сердце, то колено – повторяются еще...

А вот и духовное вразумление – для меня еще более важное. Свершилось величайшее чудо канонизации Царя-мученика со Своей Семейей во главе Собора Новомучеников и Исповедников Российских. Следили мы за работой этого великого собрания, вскоре удалось – на сайте ПСТБИ обрести и дни памяти некоторых новых святых. Счастье и честь – отслужить первую Божественную Литургию с поименным упоминанием новых святых (4 сентября). Да ведь свойственно и увлечение и *мнение*, как бы мы не противились своим помыслам, но чисты ли они перед Сердцеведцем? Входит батюшка во двор Церковный, но, видно, лишь ноги прошли дверьми, а душа - *инуде*

(???) Не на могилку, как водиться – а первым делом: во алтарь святой:

– Ведь сейчас **такую** службу *совершу*

– Совершишь? Если войдешь.

А замок алтарной двери не покоряется.

– Вот искушение, но ведь есть еще вторая дверь

– ???

И здесь та же история. Оба замка отказали батюшке в праве вот так – войти и литургисать.

– Это потому, что правило не вычитал.

– Устами? А не всуе ли?

Ничего не помогает. Глаза – то в молитвослов, то на рабочих, которые уже 15 минут бьются то над одним, то над другим замком.

– А может, наша молитва слаба, может, лучше матушку попросить помолиться?

И вот здесь уже не «Я совершу», и слезы, и умиление.

– Матушка, прости меня, что я не с готовым сердцем собрался служить Божественную Литургию в твоём храме. Матушка, родная, найди в Царствии Небесном моего отца духовного, протоиерея Александра, да примет мое покаяние. Батюшка, прочти мне разрешительную молитву, как и при жизни своей ты развязывал меня, связанного. Я виноват перед Господом, ты знаешь мой характер – опять я увлекся, мне бы молиться, а я лишнее время за компьютером сидел.

Встал и пошел вокруг храма ко входу. И вот на крыльце церковном – рабочие чуть ли не с кулаками:

– Зачем заставил нас в замках ковыряться, **дверь-то открыта**.

– ???

Теперь уж моя очередь удивиться – но и вздохнуть облегченно. Конечно, двери обе были заперты. Но не рабочие их открыли. При очередном переходе от левой двери к правой обрели они дверь уже отпертой. **Кто открыл ее изнутри?**

С тех пор мимо могилки уже, по немощи моей, стараюсь не проходить, боязно

Протоиерей Константин Кобелев